

МРНТИ 03.20.00

**МАГДИ МАКУЛОВ: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
МУСУЛЬМАНСКОГО ДЕЯТЕЛЯ И БОГОСЛОВА**

Балтабаева Кулгазира Нурановна*

к.и.н., Исполнительный директор Ассоциации выпускников Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, <https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>, Scopus Author ID: [58937935700](https://orcid.org/0000-0002-6641-5802), e-mail: 7712072909@bk.ru

***Автор-корреспондент**

Аннотация. В статье рассматривается жизнедеятельность Магди Макулова (1862–1937) – уроженца Северного Казахстана, богослова, казия и общественного деятеля, чье имя до недавнего времени оставалось малоизвестным в историографии. В фокусе исследования – его участие во Втором Общеказахском съезде (Оренбург, 1917 г.), работа в Совете улемов ЦДУМ Внутренней России и Сибири, а также участие в составе советской делегации на Первом Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке (1926 г.). Основу статьи составляют документы, рассекреченные Проектным офисом Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (под руководством С.А. Касымова), докладные записки М. Макулова на имя М.И. Калинина, материалы Восточного отдела ОГПУ, Архива Президента РК и Северо-Казахстанского госархива, дополненные воспоминаниями потомков и современной казахстанской и зарубежной литературой. Публикация направлена на введение новых архивных источников в широкий научный оборот и реконструкцию подлинной истории духовной элиты, репрессированной в годы Большого террора.

Ключевые слова: Магди Макулов, Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири, ЦДУ, Проектный офис, Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий, рассекречивание архивных документов, историческая справедливость, память

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан проекта ИРН: BR24993057 «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

ГТАХР 03.20.00

МАҒДИ МАҚҰЛОВ: МҰСЫЛМАН ҚАЙРАТКЕРІ МЕН ДІНТАНУШЫНЫҢ ТАРИХИ-БИОГРАФИЯЛЫҚ ПОРТРЕТІ

Кулгазира Нұранқызы Балтабаева*

т.ғ.к., әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті Түлектер қауымдастығының атқарушы директоры, Алматы қ., <https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>, Scopus Author ID: [58937935700](https://orcid.org/0000-0002-6641-5802), e-mail: 7712072909@bk.ru

*Автор-корреспондент

Андатпа. Кеңес Одағы мұсылман қайраткерлерінің белді өкілі, алайда мамандар арасында да аз танымал тұлға – Солтүстік Қазақстан тумасы Мағди Мақұлов (1862–1937). Ол – танымал дінтанушы, қази (рухани судья), қоғам қайраткері, Екінші жалпықазақ сиезінің (Орынбор, 1917 ж.) делегаты, Ішкі Ресей мен Сібір мұсылмандары Орталық діни басқармасының және оның Ғұламалар кеңесінің (Ғылыми кеңес) мүшесі, Бірінші Дүниежүзілік мұсылмандар конгресінің делегаты (Мекке қ., 1926 ж.). Мақаланың негізін Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссияның Жобалық кеңсесінің (жетекшісі С.А. Қасымов) бастамасымен құпиясыздандырылған архив құжаттары, М. Мақұловтың КСРО ОАК Төрағасы М. И. Калининнің атына жазған баяндамалық хаттары, ОГПУ-дің Шығыс бөлімі, Қазақстан Республикасы Президенті Мұрағаты мен Солтүстік Қазақстан мемлекеттік архиві құжаттары, қуғын-сүргінге ұшыраған М. Мақұлов ұрпағының естеліктері, сондай-ақ Қазақстанда, Ресейде және Германияда жарық көрген жаңа әдебиеттер құрайды. Мағди Мақұлов есімінің кең ғылыми айналымға енгізілуі — Үлкен террор жылдарында қуғын-сүргінге ұшыраған ұлттық рухани элитаның шынайы тарихын қалпына келтіріп жатқан заманауи зерттеушілер жұмысының тікелей нәтижесі.

Түйін сөздер: Мағди Мақұлов, Ішкі Ресей мен Сібір мұсылмандары Орталық діни басқармасы, ОДБ, Жобалық кеңсе, Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия, архив құжаттарын құпиясыздандыру, тарихи әділдік, естелік.

Алғыс айту: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің BR24993057 ЖТН: «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен санатшаларын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» жобасы аясындағы қаржылық қолдаумен дайындалды.

IRSTI 03.20.00

MAGDI MAKULOV: A HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL
PORTRAIT OF A MUSLIM FIGURE AND THEOLOGIAN

Kulgazira N. Baltabayeva*

c.h.s., Al-Farabi Kazakh National University Executive Director of the Alumni Association, <https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>, Scopus Author ID: 58937935700, e-mail: 7712072909@bk.ru

***Corresponding-author**

Abstract. Magdi Makulov (1862–1937) was a prominent yet lesser-known figure among the Muslim leaders of the Soviet Union, unfamiliar even to many specialists. A native of North Kazakhstan, he was a renowned theologian, qadi (spiritual judge), public figure, delegate of the Second All-Kazakh Congress (Orenburg, 1917) and the 1926 First World Muslim Congress in Mecca, member of both the Central Spiritual Administration (TsDU) of Muslims of Inner Russia and Siberia and its Council of Ulema (Scholarly Council). This article is based on archival documents declassified at the initiative of the Project Office of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Persecution (headed by S.A. Kasymov). The source material includes Makulov's memoranda addressed to M.I. Kalinin, Chairman of the Central Executive Committee of the USSR, documents from the Eastern Department of the Joint State Political Directorate (OGPU), records from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan and the North Kazakhstan State Archive, memoirs of Makulov's descendant, and recent literature published in Kazakhstan, Russia, and Germany. Introducing the name of Magdi Makulov into broad scholarly discourse is a direct result of the work of contemporary researchers who are restoring the history of the national religious elite purged during the years of the Great Terror.

Keywords: Magdi Makulov, Central Spiritual Administration of Muslims of Inner Russia and Siberia, TsDU, Project Office, State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Persecution, declassification of archival documents, historical justice, memory.

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project: BR24993057 “Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repressions in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation”.

Введение. Магди Макулов представляет собой одну из ключевых, но долгое время остававшихся неизученными фигур в истории ислама советского периода. В 1920–1930-х годах он выступал в качестве одного из ведущих духовных лидеров, представлявших интересы мусульманского населения Казахстана как на общесоюзном, так и на международном уровнях.

Научное осмысление его наследия неразрывно связано с современными процессами полной реабилитации духовенства и верующих – специфической категории жертв политических репрессий. Исследование его биографии вносит вклад не только в преодоление историографических лакун, но и в более широкий контекст гуманитарного восстановления исторической справедливости в отношении прав человека и гражданина. Таким образом, реконструкция жизнедеятельности М. Макулова является актуальной исследовательской задачей, имеющей фундаментальное значение для понимания государственно-

конфессиональной политики и трагедии национальной интеллектуальной элиты в СССР.

Магди Макулов. Уфа, 1926 г.

Методы и методология. Методологическую основу статьи составляют микроисторический подход и биографический метод (case study). Реконструкция жизнедеятельности казья М. Макулова осуществлена на основе принципов историзма и объективности с привлечением комплекса рассекреченных документов Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, а также архивных фондов Российской Федерации. Важное место в исследовании занимает анализ эго-документов, принадлежащих перу самого М. Макулова. Верификация устных свидетельств (воспоминаний потомков) проводилась с опорой на историко-критический и компаративный методы. Данный методологический инструментарий позволил не только восстановить биографическую канву и этапы религиозного служения М. Макулова, но и рассмотреть его персональную трагедию как репрезентативный случай (case) для осмысления институциональных разрывов в истории ислама колониального и советского периодов, а также воссоздать общий историко-культурный контекст эпохи.

Обсуждение. Важным этапом в выявлении участников национального движения Алаш стал август 1983 года, когда по запросу Главлита Казахской ССР (№ 78 от 10 августа 1983 г.) доктор исторических наук, профессор В.К. Григорьев подготовил секретный алфавитный «Список членов центрального и местного комитетов партии “Алаш” и активистов этой партии». В данном документе под номером 123 зафиксирован «Макулов Магдий – казий (духовный судья), участник II съезда партии “Алаш”» [АП РК 438: 15]. Несмотря на раннюю фиксацию этого факта в советских экспертных инстанциях, последующая длительная закрытость партийных и ведомственных (специальных государственных) архивов КНБ и МВД РК препятствовала комплексному изучению истории политических преследований мусульманского духовенства [Шаповал 2023 : 872–884; Кенжетаев 2023 : 884–902], включая институт ишанов [Койгелдиев 2009; Балтабаева 2022: 340–353] и исламских ученых-улемов [Шаповал и др. 2023: 16–27]. Лишь в недавних публикациях исследователей стали появляться фрагментарные сведения о М. Макулове. В частности, отмечается, что он «часто приезжал в казахские регионы», являлся «представителем Казахстана в ЦДУМ, арестованным в марте 1937 года», и «был репрессирован в числе руководства ЦДУМ» [Шаповал и др. 2023: 21, 22, 24].

Материалы дела «Цепь Корана» из Специального государственного архива Департамента КНБ РК по городу Алматы были впервые введены в научный оборот в 2017 году в российской историографии; при этом под «агентами» и «подозреваемыми» в документах подразумевались члены ЦДУМ М. Макулов (Магкулов) и К. Тарджиманов [Гусева 2017: 85–102]. В указанной работе годы жизни М. Макулова обозначены как 1874–1937 гг. Позднее в российском исследовательском поле были представлены новые сведения о судьбе М. Макулова, извлеченные из следственного дела Мухлисы Бобинской [Рахимов 2020: 217–223]. Согласно выводам С. Рахимова, на момент вынесения смертного приговора М. Макулову было 75 лет, что позволяет датировать год его рождения 1862-м. Исследователь также уточнил дату ареста казия, определив её 28 февраля, а не мартом 1937 года. Наряду с этим, упоминания о М. Макулове в контексте биографии его зятя — репрессированного судьи Галиуллы Галимжанова (1883–1938), состоявшего в браке с Рабигой Макуловой [Zhumatay и др. 2024], — содержатся в трудах Г. К. Мукановой, где период репрессий казия ограничен рамками 1937–1938 годов [Муканова 2021; postfactum.kz/ru/eksklyuziv/102-repressii-i-sudby].

В докторской диссертации Ж.А. Бегасиловой приводятся извлечения из обвинительного заключения по следственному делу № 035 в отношении участников организации «Цепь Корана»: «Органами Наркомвнудел Казахской ССР в июне 1940 года на территории Южно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей были вскрыты и оперативно ликвидированы активно действовавшие повстанческие панисламистские организации, возглавляемые и руководимые повстанческо-басмаческими и панисламистскими авторитетами — агентами японской и турецкой разведок, члены ЦДУМ М. Магкулов и К. Тарджиманов» [Бегасилова 2021: 121]. Хронологическое противоречие

данного обвинения заключается в том, что М. Макулов был расстрелян по приговору тройки НКВД Башкирской АССР еще в конце 1937 года. Серьезной источниковедческой проблемой при воссоздании биографии казиза является вариативность фиксации его имени и фамилии в документах: Махди Маакули, Магади Магкулов, Магди (Магдий, Магдей) Магкулов, Магди Маккулов. В частности, в работе [Акмаганбет 2023: 40] он упоминается как «Молламудамиди Макулов», однако данное утверждение приводится без ссылки на первоисточник. На современном этапе историографии данные лакуны устраняются благодаря появлению специального исследования, детально реконструирующего жизнедеятельность и этапы религиозного служения богослова [Балтабаева 2025; Baltabaeva 2025: 175–194].

Важным вкладом в расширение источниковой базы исследования стала публикация в Алматы книги воспоминаний «Четыре тетради», принадлежащей перу внучки М. Макулова – Ляйли Галимжановой (1924–2017), под редакцией историков М. Акулова и А. Аканова. Данное издание представляет собой уникальный эго-документ ушедшей эпохи [Галимжанова 2024]. Автор мемуаров, находившаяся вместе с матерью у М. Макулова в Уфе в период массового голода в Казахстане, оставила ценные свидетельства о личности и быте своего деда. В подростковом возрасте Ляйля и её младший брат Кемель Галимжанов остались сиротами. Их судьба отражает трагедию семей репрессированной национальной элиты: они являлись детьми юрисконсульта Народного комиссариата земледелия Казахской ССР, выпускника медресе «Мухаммадия» (Троицк) Галиуллы Галимжанова (1888–1938), племянниками алашевца Файзуллы Галимжанова (1891–1942) и внуками известного богослова, казиза и члена руководства ЦДУМ Внутренней России и Сибири Магди Макулова.

Исторический парадокс заключается в том, что, несмотря на жесткие идеологические ограничения советской системы, потомки М. Макулова сумели достичь значительных высот в государственной иерархии. Так, Л.Г. Галимжанова занимала пост министра культуры Казахской ССР (1961–1967 гг.), К. Г. Галимжанов являлся председателем Гостехнадзора КазССР (1974–1980 гг.), а зять казиза – К. Анваров – в 1940-х годах возглавлял Верховный суд Таджикской ССР. Однако, как свидетельствуют материалы книги «Четыре тетради», даже находясь на столь высоких номенклатурных должностях, они при жизни не имели доступа ко многим ключевым страницам биографии своих репрессированных родственников. Информация о жертвах Большого террора фактически являлась охраняемой государством тайной, доступной исключительно ограниченному кругу сотрудников спецслужб. Преодоление этой вынужденной деформации исторической памяти стало возможным на современном этапе благодаря деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, созданной Указом Президента РК К. К. Токаева в ноябре 2020 года, а также масштабной поисково-исследовательской работе ученых под эгидой Проектного офиса под руководством правоведа С. А. Касымова.

Таким образом, компаративный анализ существующей историографии и вновь открытых эго-документов выявляет серьезную фрагментарность и хронологические противоречия в изучении биографии М. Макулова. Разночтения в определении дат его рождения (1862 или 1874 гг.), ареста и гибели (1937–1938 гг.), а также вариативность фиксации его антропонима в материалах ОГПУ/НКВД свидетельствуют о необходимости комплексной верификации источников. Деятельность Государственной комиссии по полной реабилитации открывает возможности для преодоления этих историографических лакун. Настоящее исследование направлено на синтез архивных и нарративных свидетельств с целью формирования верифицированной биографической канвы М. Макулова как репрезентативного представителя репрессированной мусульманской элиты.

Результат. М. Макулов родился в Казахстане. Согласно устным семейным свидетельствам, зафиксированным в воспоминаниях его внучки Л. Галимжановой, еще в подростковом возрасте он совершил хадж в Мекку, что впоследствии способствовало формированию его высокого религиозного авторитета среди единоверцев. Важной вехой в институционализации духовной жизни региона стали решения Первого Всеказахского съезда, состоявшегося 21–26 июля 1917 года в Оренбурге под председательством Х. Досмухамедулы. Восьмым пунктом повестки дня съезда значился религиозный вопрос. В принятом постановлении декларировалось, что мусульманское население Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской, Уральской и Закаспийской (Мангышлакский уезд) областей временно переходит под юрисдикцию Оренбургского муфтиата, а каждая из указанных областей (за исключением Мангышлакского уезда) наделяется правом избрания собственного казия [\[Алаш-Орда 1929: 48–49\]](#).

Развитие этих процессов на местах отражено в публикации газеты «Сарыарка» (г. Семипалатинск) от 13 ноября 1917 года. Издание информировало, что на съезде имамов Кызылжарского уезда мулла Магди Макулов тайным голосованием был единогласно избран ахуном уезда, а его заместителем — хазрет Искак Бердихожин. Примечательно, что оба они являлись членами культурно-просветительского общества «Талап» (Стремление). В качестве ахуна М. Макулов выступал посредником между духовной элитой мечетных общин и Оренбургским магометанским духовным собранием, созданным по указу императрицы Екатерины II от 22 сентября (3 октября) 1788 года с целью контроля государства над духовенством и использования исламских институтов в осуществлении российской политики как в империи, так и за ее пределами. Решением съезда ахуну Макулову предусматривалось ежемесячное содержание в 100 рублей и оплата канцелярских расходов. Одновременно он исполнял обязанности имама мечети по месту жительства, причем делегаты съезда четко прописали ценз единоначалия, согласно которому совмещение должностей исключало присутствие второго имама.

По особому приглашению

Согласно протоколам, Второго Общеказахского съезда, состоявшегося в Оренбурге 5–13 декабря 1917 года, М. Макулов присутствовал на нем «по особому приглашению» в числе четырнадцати наиболее авторитетных деятелей края. Сам съезд, проходивший в начальный период установления советской власти, «прошел с особым подъемом» [Дело 1918: 2]. Примечательно, что в официальных материалах его статус «казий» фиксировался непосредственно в составе имени [Саяси куғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары 2024: 70]. Данный факт вводит важнейший политический контекст – участие М. Макулова во Втором Общеказахском съезде и его позиция по ключевому вопросу автономии наглядно показывают, что он был не просто религиозным судьей, а государственным деятелем, стоявшим у истоков автономии «Алаш».

М. Макулов в структуре Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ)

Члены ЦДУМ. Слева направо: во втором ряду 4-й – муфтий Ризаитдин Фахрединов, 7-ой – Магди Макулов. Уфа, 1926 г.

На съезде было принято историческое решение о провозглашении территориально-национальной автономии Алаш и формировании Временного Народного Совета (правительства) «Алашорда» под председательством

А. Букейхана. При обсуждении вопроса о сроках объявления автономии М. Макулов вошел в число большинства делегатов (42 человека), выступивших «против немедленного объявления автономии» [[Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары 2024: 70](#)]. Несмотря на тактические разногласия, делегаты выработали компромиссное решение, единогласно утвердив резолюцию, которая предоставляла Общеказахскому Народному Совету «Алашорда» месячный срок для интеграции южных регионов в состав провозглашаемой автономии.

Примечательно, что в вопросе духовного управления казахов Второй Общеказахский съезд высказался за сохранение существовавшего статус-кво вплоть до официального объявления автономии и созыва Учредительного собрания Алаш [[Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары 2024: 86](#)]. Соответственно, к ведению казия по-прежнему относились дела, связанные с ритуальным, семейным, частным и частично уголовным правом.

М. Макулов входил в состав руководства и являлся членом Совета улемов (Ученого совета) Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) в Уфе, ставшего правопреемником Оренбургского магометанского духовного собрания. В советский период руководство ЦДУМ было сформировано в сентябре 1920 года на Всероссийском съезде мусульманского духовенства, а устав организации утвержден Наркоматом внутренних дел (НКВД) РСФСР 30 ноября 1923 года. Представители казахского мусульманского сообщества, включая казия М. Макулова, принимали участие в работе I, II и III Всероссийских съездов мусульманских деятелей, состоявшихся в Уфе в 1920, 1923 и 1926 годах соответственно.

По итогам второго съезда в структуре ЦДУМ начал полноценно функционировать Казахский отдел, «во главе которого стал один из казахских казиев [М. Макулов], а другой казий, ввиду своего преклонного возраста, находился в своем районе [в Казахстане]» [[1541: 28; Преодолевая религиозное влияние ислама 1990: 126](#)]. Примечательно, что решение о целесообразности учреждения Казахского отдела концептуально восходило еще к постановлениям Первого Всеказахского съезда в Оренбурге (июль 1917 г.). В подготовке и обеспечении работы всех трех уфимских съездов М. Макулов принимал непосредственное участие, выступая не только в качестве руководителя Казахского отдела, казия и члена Совета улемов ЦДУМ, но и как член президиума съездов и ключевой докладчик.

На фоне изменения вектора внешней политики СССР и смещения акцентов на колониальный Восток большевистское руководство стремилось использовать авторитет мусульманского духовенства для продвижения антиимпериалистической повестки на международной арене. В этой связи внешнеполитическим интересам советского правительства полностью отвечало участие делегации СССР в работе Первого Всемирного мусульманского конгресса в Мекке, проходившего с 7 июня по 5 июля 1926 года. В отчете Восточного отдела ОГПУ подчеркивалось, что «в результате длительной

подготовки» ведомство сформировало состав делегации, отвечающий двум ключевым критериям: она «должна была состоять из лиц, высокоавторитетных не только внутри Союза, но и вне», при этом требовалась «уверенность в том, что делегация сумеет последовательно провести в жизнь наши предначертания» [Ислам и советское государство 2010: 70].

М. Макулов как делегат Первого Всемирного мусульманского конгресса в Мекке

Второй слева: Мағди Макулов. Стамбул, 1926 г.

Советскую делегацию из восьми человек возглавил председатель ЦДУМ — муфтий Р. Фахретдинов. Мусульманское духовенство Казахстана в этой дипломатической миссии представлял исключительно казий М. Макулов, который в протоколах конгресса фигурировал под арабизированным вариантом антропонима — «Махди бен-Макул (или Максуд) из Сибири» [Романенко 2005: 83]. Примечательно, что, несмотря на столь высокий международный статус богослова, современные составители сборника архивных документов Восточного отдела ОГПУ за 1926 год при сборе сведений в Петропавловске не смогли верифицировать информацию о его личности, что еще раз указывает на глубокую историографическую лакуну вокруг имени казия [Ислам и советское государство 2010].

Транзит советской миссии в Хиджаз сопровождался серьезными логистическими и политическими трудностями: дорога заняла ровно месяц, а на территории Египта делегаты подверглись кратковременному аресту. Важным экономическим аспектом данной дипломатической поездки являлось то, что государственные структуры СССР не выделили финансовых средств на командирование членов мусульманской делегации. Необходимые для поездки суммы (около 2 000 рублей на каждого человека) были аккумулированы за счет добровольных пожертвований верующих. В частности, целевой сбор средств «в виде обложения» населения был организован в Акмолинской губернии для обеспечения командировки регионального делегата М. Макулова [СКГА 720: 7].

По возвращении миссии ОГПУ в Москве дало положительную оценку деятельности делегатов, отметив их конструктивное участие в обсуждении повестки дня и работе профильных комиссий конгресса. Деятельность советских мусульманских лидеров объективно содействовала реализации внешнеполитических задач СССР на Ближнем Востоке, основным вектором которых выступало укрепление авторитета восходящего лидера арабского мира Абдул-Азиза ибн Сауда, рассматривавшегося советским руководством в качестве главного геополитического антагониста проанглийских сил в регионе.

Концептуализация «антисоветского характера» ислама в партийно-государственном дискурсе

Спустя два месяца после завершения Мекканского конгресса в официальных партийно-советских документах окончательно закрепился тезис об «антисоветском характере» мусульманства. Данная тенденция развивалась вопреки очевидному пониманию советским руководством потенциала ислама как инструмента привлечения антиколониальных движений на сторону СССР. 13 сентября 1926 года Восточный отдел ОГПУ подготовил аналитическую записку «Наступление мусульманства и меры борьбы с ним». Ключевой идеей документа являлось утверждение о том, что духовенство ориентирует верующих на панисламизм, под которым спецслужбы понимали любые консолидационные инициативы религиозных лидеров, направленные на единение советских мусульман. В качестве превентивных и карательных мер рекомендовались «беспощадное преследование мулл...; репрессии против мулл; усиление разложения духовенства методами ГПУ» [Ислам и советское государство 2010: 58]. Директивы ОГПУ демонстрируют глубинное преемственное сходство между имперской и советской моделями управления конфессиональной сферой, направленными на жесткий контроль над духовенством независимо от региона его активности. Вектор лояльности мусульманского населения Советского Союза директивно переориентировался с религиозного центра в Мекке на новый политический центр власти в Москве [См. подробнее: Keller 2001]. В рамках этой парадигмы деятельность ЦДУМ и его руководства во всех мусульманских регионах Союза оказалась под особым надзором специальных органов.

На активизацию роли ЦДУМ в Казахской степи, начавшуюся в 1924–1925 годах, указывает и американская исследовательница Ш. Келлер (Shoshana Keller)

[Keller 2001: 133]. В качестве сравнительного контекста она приводит данные о том, что ЦДУМ не удалось добиться сопоставимых результатов в Туркменской ССР, где к концу 1926 года функционировал лишь один мухтасибат в Ташаузском округе.

Политическая линия на изоляцию казахских мусульман от общесоюзного Духовного управления и других тюркских народов СССР отчетливо проявилась уже в начале 1925 года. В этот период видный советский дипломат и партийный деятель Н. Тюрякулов направил из Москвы письмо в адрес секретарей Киробкома РКП(б) В. Нанейшвили и С. Ходжанова. В своей корреспонденции он подвергал жесткой критике масштабную деятельность М. Макулова в Казахской степи, направленную на системную организацию религиозной жизни общин и интенсификацию строительства новых мечетей, усматривая в этом угрозу усиления панисламистских тенденций.

На Третьем Всероссийском съезде ЦДУМ (25 октября – 4 ноября 1926 г.) была особо отмечена определяющая роль М. Макулова в учреждении на территории Казахстана мухтасибатов — административно-территориальных единиц Духовного управления, возглавляемых мухтасибами, в чьи обязанности входил контроль над соблюдением верующими норм шариата. В западных и северных регионах Казахстана, географически близких к Уфе, функционировал 51 мухтасибат, еще 4 действовали в Кара-Калпакской автономной области, входившей на тот момент в состав Казахской АССР [АП РК. 1541: 29]. По состоянию на апрель 1927 года сеть «вполне оформленных мухтасибатов» распределялась следующим образом: 11 – в Актюбинской губернии, 10 – в Уральской, 8 – в Семипалатинской, по 5 – в Сыр-Дарьинской, Джетысуйской и Акмолинской губерниях, 6 – в Кустанайском округе и 1 – в Адаевском уезде [АП РК. 1541: 28–39].

В рамках подготовки к уфимскому съезду 1926 года во всех мухтасибатах Казахстана прошла волна локальных (районных и уездных) съездов духовенства и рядовых верующих. Наряду с электоральными процедурами, ключевым элементом этих собраний стало формирование наказов делегатам. Основной спектр требований к органам советской власти сводился к расширению рамок религиозного образования, возвращению духовенству избирательных и гражданских прав, освобождению от налогового обременения, а также к передаче мусульманским институтам функций регистрации актов гражданского состояния (ЗАГС). На Третьем съезде ЦДУМ Казахстан был представлен самой многочисленной региональной делегацией, насчитывавшей 135 человек [Преодолевая религиозное влияние ислама 1990: 128–129].

Организационные успехи М. Макулова вызвали серьезную тревогу в партийно-государственном аппарате Казкрайкома ВКП (б) во главе с Ф. И. Голощекиным. 8 июня 1927 года бюро Казкрайкома приняло строго секретное постановление «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением». В документе констатировалось: «большим несчастьем явилось то, что была допущена организация духовной иерархии с подчинением казахстанского духовенства уфимскому центру» [АП РК 1541: 4–5].

Традиционная религия все более настойчиво воспринималась правящей партией не только как конкурирующая идеология, но и как латентная политическая угроза советскому режиму, обусловленная самим фактом институциональной устойчивости и авторитета мусульманского духовенства. С началом сталинской «революции сверху» масштабы преследования религиозных деятелей в кратчайшие сроки достигли качественно нового уровня. Данная радикализация конфессиональной политики детерминировалась комплексом факторов как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера.

Правозащитная деятельность М. Макулова в условиях институционального разгрома ислама

Период конца 1920-х — 1930-х годов ознаменовался переходом советского государства к политике системного террора против мусульманского духовенства и форсированного демонтажа исламских институтов на всей территории СССР. В условиях радикальной трансформации традиционного общества и директивного насаждения новых идеологических доктрин большевистское руководство стремилось ликвидировать внутриконфессиональную консолидацию и разорвать устойчивые связи между религиозными лидерами и верующими. Реализация этой стратегии осуществлялась посредством прямого административного и физического преследования исламских авторитетов. Главными директивными маркерами сталинской конфессиональной политики стали санкции на «изъятие» и «ликвидацию» традиционной духовной элиты. Практическое исполнение репрессивных мер на местах возлагалось на органы ОГПУ, чьи архивные фонды по линии государственной безопасности в значительной степени остаются закрытыми для исследователей до настоящего времени. В этих критических условиях казий М. Макулов предпринял попытку легального противодействия государственному давлению, обратившись с серией апелляций к высшему руководству страны в лице Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина.

Письмо казиев Казахского отдела ЦДУМ Михаилу Калинину от 23 января 1928 года фиксирует административное давление и репрессии против мусульманского духовенства со второй половины 1927 года. В частности, мухтасибы по четыре–пять месяцев не получали корреспонденцию, хотя ЦДУМ ежемесячно посылал «по несколько бумаг подведомственным мухтасибам». Во многих районах отказывали в организации и проведении новых выборов мухтасибов и их заместителей (мушавиров), а «некоторые местные представители власти беспокоят их внушением мысли о необходимости учреждения в Казакстане отдельного самостоятельного духовного управления» [<https://islamperspectives.org/rpi/items/show/13013>]. Спецслужбы, отмечая активизацию духовенства, увеличение нелегальных мусульманских школ, стали жестко применять различные меры. Так, в вышеуказанном письме М. Калинину Магди Макулов сообщал и об аресте в Петропавловске и высылке из Казахстана члена Казахского отдела ЦДУМ Хусаина Байгильдеева, направленного по

согласованию с НКВД Башкирской автономной республики РСФСР в командировку в пределы Акмолинской, Семипалатинской и Джетысуйской губерний для ознакомления с делами мухтасибатов, принадлежащих к ведомству ЦДУМ. Авторы письма особо подчеркнули: «для нас остается загадочной причина унижительного его ареста и лишения его возможности исполнить вполне законную свою обязанность... мы остаемся на своем посту и считаем это нашим долгом совести, нравственным долгом пред своим народом» [<https://islamperspectives.org/rpi/items/show/13013>].

Недоверие советской власти к представителям мусульманского духовенства, раскол религиозного движения, давление и прямые репрессии являлись неотъемлемой частью общегосударственного политического курса. Атеистическая платформа режима служила лишь поводом для ликвидации авторитета религиозных лидеров [Ислам и советское государство 2010 : 58].

Материалы оперативной разработки в отношении казиза М. Макулова накапливались специальными органами на протяжении многих лет. Его имя фигурирует в протоколе допроса в органах ОГПУ в Петропавловске от 3 мая 1931 года, проведенного в отношении А. Темирбекова – мюрида (последователя) ишана, который дважды направлялся в Уфу по религиозным делам и останавливался там у своего земляка М. Макулова. Из показаний подследственного следует, что весной 1928 года, после съезда мусульманского духовенства в Кокчетаве, сотрудники ОГПУ под угрозой репрессий требовали от мухтасиба Г. Айтхожина «произвести отрыв от ЦДУ». А. Темирбеков был командирован в Уфу именно с целью информирования руководства ЦДУМ о сложившейся критической ситуации. Поскольку официальное разрешение на проведение съезда и перевыборов мухтасиба в Казахстане получено не было, Г. Айтхожин подвергся осуждению с конфискацией имущества и жилья. Его заместители (мушавиры) и рядовые верующие отказались занять вакантную должность, опасаясь повторения судьбы своего руководителя. В результате этого целенаправленного давления ОГПУ деятельность локального мухтасибата была полностью прекращена.

В ноябре 1931 года руководство ЦДУМ, среди подписантов был и Магди Макулов, вновь направило в Президиум ВЦИК развернутую записку, отражавшую катастрофическое положение конфессиональной инфраструктуры. Согласно документу, под юрисдикцией ЦДУМ в РСФСР и Казахстане номинально состояло 153 мухтасиба. Однако в результате репрессивной политики государства 34 из них находились в ссылке, 23 – в местах заключения, 24 – отказались от своих должностей, 8 – умерли, 57 – на своих должностях не находятся, причем Уфимскому центру было «неизвестно, где и в каком положении они пребывают».

Из первоначального состава легально продолжали функционировать лишь 7 мухтасибов, трое из которых находились в Казахстане (в Зайсане, Семипалатинске и Петропавловске). Динамику ликвидации низового духовенства авторы документа иллюстрировали на примере Усть-Каменогорского района: если ранее в 50 аулах региона религиозные нужды верующих обеспечивали 50 имамов и 38 муэдзинов, то к концу ноября 1931 года в уезде осталось всего двое духовных лиц —

непосредственно в г. Усть-Каменогорске и в ауле № 6 Уланского района [\[https://www.islamperspectives.org/rpi/items/show/16806\]](https://www.islamperspectives.org/rpi/items/show/16806).

Спустя три года, 2 февраля 1935 года, М. Макулов вновь направил официальное обращение в Президиум ВЦИК, информируя высшие органы власти об удручающем положении конфессиональных структур в Казахской АССР. Согласно приведенным им данным, еще 12 мулл подверглись ссылке, 4 — находились в исправительных домах, 5 — скончались, 1 — оставил должность, а 35 человек «находились в неизвестном направлении» [Мухтарова 2007: 117]. На основе анализа этих локальных показателей казий экстраполировал данную репрессивную практику и на другие регионы СССР, констатируя, что общая ситуация в большинстве мухтасибатов, равно как и персональные судьбы их руководителей, остаются вне поля зрения ЦДУМ из-за деструктивных действий советских органов.

Следственное дело о «заговоре руководителей ЦДУМ» и арест М. Макулова

В годы Большого террора органы НКВД осуществили тотальный разгром мусульманской элиты СССР, фактически ликвидировав институциональную деятельность ЦДУМ. В рамках масштабной репрессивной кампании 1936–1938 годов обвинения были предъявлены более чем 30 высшим религиозным деятелям [Юнусова 1999: 172]. Ключевым инструментом ликвидации центрального управления стало сфабрикованное «Дело о заговоре руководителей ЦДУМ». По версии следствия, после кончины в апреле 1936 года муфтия Р. Фахретдинова руководящим составом организации был целенаправленно инициирован вопрос о закрытии Духовного управления в знак протеста против антирелигиозной политики большевиков.

Данный процесс имел катастрофические последствия и для мусульманского духовенства Казахстана. На роль координатора («связника») межрегиональных «контрреволюционных» связей следователи определили казия М. Макулова. Исторически его легитимность восходила еще к весне 1917 года, когда съезд казахов Акмолинской области, проходивший с 25 апреля по 7 мая в Омске, делегировал его в члены ЦДУМ от мусульманского сообщества г. Петропавловска. Кандидатура казия, сотрудничавшего с ЦДУМ на протяжении двадцати лет и постоянно проживавшего в Уфе, являлась наиболее удобной для фабрикации группового трансграничного дела, связывавшего Башкирскую АССР и Казахскую ССР. Магди Макулов был арестован в Уфе 28 февраля 1937 года.

Арест М. Макулова в Уфе был синхронизирован с масштабной ликвидацией исламской инфраструктуры на его родине — в Северном и Центральном Казахстане. Согласно рассекреченным документам советских органов государственной безопасности, на территории Казахской ССР были «вскрыты и ликвидированы» панисламистские организации, создание которых следствие инкриминировало «агентам Японии» — членам руководства ЦДУМ К.

Тарджиманову и М. Макулову [СГА ДКНБ РК по г. Алматы 88: 99–100]. В рамках этой скоординированной кампании с 15 по 21 июня 1937 года в ходе закрытого судебного заседания Постоянной сессии Военного трибунала пограничной и внутренней охраны КазССР по Северному Казахстану было рассмотрено групповое дело в отношении мусульманского духовенства Карагандинской и Северо-Казахстанской областей [Материалы Госкомиссии Т. 14. 2022: 185–188]. По делу мухтасиба Акмолинского района Т. Мирвалиева к различным срокам наказания были приговорены 15 человек, из которых 6 человек — к высшей мере наказания (расстрелу), причем по ложным обвинениям четверо из них ранее уже отбыли четырех- и пятилетние лагерные сроки.

Формулировки обвинительного заключения по данному делу в полной мере раскрывают саму механику сталинских фальсификаций. В следственных материалах отчетливо прослеживается типичная чекистская схема: искусственное объединение религиозных деятелей (мулл) с представителями традиционной казахской элиты (баями), идеологическая привязка подследственных к «программе Алаш» (несмотря на то, что партия к тому моменту давно не существовала), а также обязательное конструирование мифа о подготовке «вооруженного восстания» и «иностранном шпионаже».

В рамках этой репрессивной модели органы НКВД декларировали выявление на территории Северо-Казахстанской области «широко разветвленной мулльско-байской контрреволюционной» организации, в качестве руководителей которой были указаны М. Макулов, К. Алимбаев, М. Агисов и С. Туренанов. Согласно версии следствия, ключевой задачей данной структуры являлось вооруженное свержение советской власти, консолидация казахского населения и других восточных национальностей в суверенное государство, а также внешнеполитическая ориентация на одну из иностранных держав. Примечательно, что даже традиционная проповедническая деятельность и пропаганда идей религии квалифицировались карательными органами как умышленные действия, направленные на «ослабление экономической мощи советской власти» [Материалы Госкомиссии Т. 14. 2022: 190–192].

Имя М. Макулова использовалось НКВД как сквозной инструмент для тотальной зачистки мусульманского пространства от Петропавловска и Семипалатинска до Западного Казахстана. Масштабы оперативных мероприятий, развернутых в 1937 году Управлением НКВД по Северо-Казахстанской области по делу сфабрикованного «филиала панисламистской организации» (создание которой инкриминировалось казнию еще в 1932 г.), выразились во вскрытии и ликвидации 44 «панисламистских» ячеек. В рамках этой кампании были арестованы 460 человек, а в первом полугодии 1938 года — еще 76 человек [Вертикаль и горизонталь Большого террора в Казахстане 2024: 445, 448]; таким образом, общее число репрессированных по данному вектору составило 536 человек.

Наряду с этим, фамилия находящегося под арестом М. Макулова активно применялась чекистами для конструирования трансграничных следственных связей в других регионах республики. Так, в декабре 1937 года его имя

фигурировало в обвинительном заключении УНКВД по Восточно-Казахстанской области в отношении «участников антисоветской панисламистской организации» при мечети Семипалатинска. По версии органов государственной безопасности, директивные установки М. Макулова как «японского агента» якобы получала и «контрреволюционная повстанческая шпионско-подрывная организация», действовавшая в Джангалинском и Денгизском районах Западного Казахстана. Данный тезис был зафиксирован в обвинительных заключениях по делу № 2368 от 29 сентября и 3 декабря 1937 года.

Агентурное дело «Цепь Корана» (1940–1941 гг.) как продолжение репрессивного курса

Относительное снижение интенсивности репрессий после завершения Большого террора (1937–1938 гг.) носило кратковременный характер. Казахстан, исторически имевший наиболее тесные связи с ЦДУМ и отличавшийся высоким уровнем модернизации исламских институтов, вновь оказался в фокусе внимания карательных органов в 1940–1941 годах. НКВД Казахской ССР инициировал агентурные разработки «Противники» и «Афганцы» в отношении группы ишанов и мулл Кызылординской области, которым инкриминировались латентные связи с духовенством сопредельных регионов (Узбекистана, Таджикистана, Афганистана, Ирана), а также Китайской Республики (куда, в Синьцзянскую провинцию, ранее мигрировала часть казахского населения).

Одновременно Управление НКВД по Южно-Казахстанской области в тесной координации с коллегами из среднеазиатских республик вело пять параллельных агентурных разработок: «Курган-Тюбинцы», «Муллы», «Враги», «Аравия» и «Молдалар». 20 июня 1940 года в результате объединения этих и ряда других ранее существовавших дел (включая «Табынцы», «Басмаческие резервы», «Снайпер», «Хазреты», «Намаз», «Адайцы», «Повстанцы») было сформировано масштабное сводное агентурное дело «Цепь Корана» (дело № 035) против мусульманского духовенства и верующих Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской ССР и РСФСР.

Органы государственной безопасности выстроили прямую преемственность между «Делом ЦДУМ» (1936–1938 гг.) и делом «Цепь Корана» (1940–1941 гг.). Факты свидетельствуют, что отставка Н. И. Ежова и последующая ротация руководящих кадров в наркомате, прокуратуре и судебных органах не привели к кардинальному смягчению репрессивного курса в конфессиональной сфере. Согласно обвинительной версии следствия, вскрытая в Казахской ССР структура представляла собой «незатронутые до сих пор филиалы и базу организации, созданные иностранной разведкой Турции через белоэмигрантские закордонные мусульманские круги и местные панисламистские авторитеты, во главе со старым руководством ЦДУМ». В числе руководства был вновь назван Магди Макулов. Данный факт наглядно раскрывает транснациональный и сквозной характер советских репрессий: чекисты использовали имя М. Макулова в деле

1940 года как «универсальный мост», чтобы связать воедино довоенный Большой террор с новыми масштабными зачистками в советской Средней Азии, развернувшимися в условиях уже шедшей Второй мировой войны.

Согласно следственной версии, в 1925–1927 годах региональные панисламистские формирования в Казахстане под руководством мухтасибов осуществляли антисоветскую деятельность под непосредственным кураторством членов ЦДУМ К. Тарджиманова и М. Макулова, «подготавливая вооруженное восстание мусульман против советов под лозунгом “священной войны”». Для интенсификации агентурно-следственной работы в Актюбинскую, Южно-Казахстанскую и Гурьевскую области из центрального аппарата НКВД были направлены специальные оперативные группы.

Органы государственной безопасности конструировали в обвинительных заключениях масштабные консолидированные структуры панисламистского толка. Динамика арестов по делу «Цепь Корана» наглядно отражает лавинообразный характер фальсификаций: если на 15 июля 1940 года под стражей находились 10 человек, то к 1 октября их число возросло до 51, из которых 31 обвиняемый «полностью изобличен и дал показания». В отчетных документах НКВД Казахской ССР отсутствие признательных показаний у остальной части подследственных цинично объяснялось исключительно фактором их «последних арестов». К моменту завершения ликвидации дела по нему проходило 242 выявленных и учтенных участника панисламистских формирований, обладавших, по мнению следствия, обширными связями с эмигрантскими кругами в Иране и Афганистане. Среди них фигурировали фамилии баев, ишанов, мухтасибов, хазретов, мулл и их сыновей, а также руководителей и участников прежних народных восстаний в Казахстане.

В материалах следствия представители духовенства и верующие безапелляционно дефинировались как шпионы, координировавшие свои действия с разведывательными органами мусульманских стран (Ирана, Афганистана, Турции, Саудовской Аравии), а также Японии, Великобритании и Франции. Нагнетаемый сталинским режимом тезис о неизбежном столкновении СССР с капиталистическим окружением в условиях разгоравшейся Второй мировой войны выводил обвинительную концепцию НКВД на обязательное инкриминирование подследственным связей с иностранными державами. Лишь после смерти И. В. Сталина, 27 августа 1959 года, все фигуранты дела «Цепь Корана» были полностью реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Если уголовные дела начала 1930-х годов в отношении ишанов и мулл отражали преследование преимущественно локальных религиозных лидеров, то следственное дело о «заговоре ЦДУМ» имело принципиально иной характер. В данном случае карательные органы осуществили целенаправленное уничтожение высшего руководства официальной конфессиональной структуры, которая была полностью интегрирована в советское правовое поле, проявляла политическую лояльность и функционировала строго согласно своему уставу, официально утвержденному НКВД РСФСР. В свою очередь, агентурное дело

«Цепь Корана» стало репрессивным прецедентом, в рамках которого советские спецслужбы консолидировали преследования как против легального («официального») духовенства, так и против неформальных исламских авторитетов на местах.

Микроисторический срез этой институциональной трагедии отражен в воспоминаниях внучки богослова Л. Галимжановой: «В 1937 году умерла моя мама, а дедушка был так измучен и взбудоражен частыми вызовами в ОГПУ, что ему побоялись сообщить о смерти мамы. Вскоре его арестовали, затем арестовали и бабушку. Старые люди, они выдержали недолго. Он — четыре или пять месяцев, она — полтора. Умерли в тюрьме. [Их дочери] Галя 15 лет и Гуля 10 лет остались одни. Галя рассказывала, как она носила передачи, как на улице в голос плакала, когда умерла мама. Потом она распродала вещи, остальное сама упаковала и с Гулей приехала в Алма-Ату, где тоже было пепелище прошлой жизни» [Галимжанова 2024].

В 1982 году, когда Л. Г. Галимжанова вела записи в рукописи «Четыре тетради», она не располагала сведениями о том, что М. Макулов был расстрелян по обвинению в контрреволюционных преступлениях (ст. 58 УК РСФСР). По данным современных исследователей, 23 декабря 1937 года была казнена член ЦДУМ, 68-летняя М. Бобинская-Нигматуллина — единственная женщина в истории мусульманского сообщества, носившая звание казия. Вместе с ней погибли казий М. Макулов, писатель Я. Валеев, известные религиозные деятели Башкирской АССР Х. Фахретдинов, Х. Шагиморатов-Урманчеев, Г. Бакаев и М. Якупов. Возрастной диапазон казненных составлял от 55 лет, при этом самым старшим в группе являлся 75-летний М. Макулов [Рахимов 2000].

Историческая и юридическая справедливость в отношении руководства ЦДУМ была частично восстановлена лишь спустя десятилетия. 23 мая 1960 года Постановлением Президиума Верховного Суда Башкирской АССР решение «тройки» НКВД от 30 ноября 1937 года было отменено, а все фигуранты дела посмертно реабилитированы за отсутствием состава преступления. Согласно официальным проверочным материалам КГБ при Совете министров СССР, М. Макулов по оперативным учетам не проходил, а какие-либо доказательства его причастности к деятельности иностранных разведывательных органов в закрытых фондах отсутствовали.

Заключение. Таким образом, ключевая цель системного и целенаправленного террора большевиков против мусульманского духовенства заключалась в ликвидации наиболее авторитетной и интеллектуальной страты традиционного общества, способной консолидировать население, недовольное политическим курсом режима. Репрессивные практики были призваны парализовать волю общества к сопротивлению. Для достижения этой цели советское государство методично исключало религиозных лидеров из социально-экономической, политико-правовой и культурно-духовной сфер жизни. Примечательно, что в молох репрессий попали и те деятели, которые демонстрировали лояльность советской системе и стремились функционировать в легальном правовом поле, ярким примером чему служит судьба казия М.

Макулова. На основе проведенного исследования можно констатировать, что тоталитарной власти требовалось искусственное конструирование образа внутренних «врагов» не столько для контроля над социумом, сколько в качестве идеологического и репрессивного тарана, необходимого для форсированного осуществления радикальной модернизационной программы большевизма.

Литература и источники:

Архивные источники

Алаш қозғалысы: құжаттар мен материалдар жинағы. 2-т.: Желтоқсан 1917 – мамыр 1920 жж. = Движение Алаш: сб. док. и материалов. Т. 2: Декабрь 1917 – май 1920 гг. – Алматы: Алаш, 2005. – 496 б. – 20–31 бб. Ссылка на: Сарыарқа. – 1918. – № 29.

Алаш-Орда: Сб. док. / Сост. Н. Мартыненко; предисл. Ураза Исаева. – Кзыл-Орда: Казиздат, 1929. – 169 с.

Докладная записка членов-казыев Казакского отдела Центрального Духовного Управления Мусульман, казаков Магдия Макулова и Хусаина Байгильдеева Председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. И. Калинину. Уфа, 23 января 1928 г. // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/13013>.

Вертикаль и горизонталь Большого террора в Казахстане в 1937–1938 гг.: сборник документов / Ред. А. С. Жанбосинова. – Астана: [Б. и.], 2024. – 886 с.

Из обзора деятельности мусульманского духовенства в Казахстане // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 1541. Л. 28–39.

Из письма Агитпропотдела Акмолинского губкома партии всем райкомам и укомам ВКП (б) по усилению антиисламской пропаганды // Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. П–2. Оп. 1. Д. 720. Л. 7–9.

Ислам и советское государство: (По материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 г.) / Сост.: Д. Ю. Арапов, Г. Г. Косач; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов. – М.: Изд. дом Марджани, 2010. – Вып. 1. – 145 с.

Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века). Т. 14: Антирелигиозная политика советского государства и репрессии против духовенства в Казахстане: Сборник документов и материалов / Сост.: Д. Т. Кенжетаев, Б. М. Сатершинов, М. Төлеген, Ю. В. Шаповал; под общ. ред. Е. Т. Карина. – Астана: Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова; Проектный офис Госкомиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий; ТОО «Литера–М», 2022. – 325 с.

Мусульманское духовенство // Специальный государственный архив Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по городу Алматы (СГА ДКНБ РК по г. Алматы). Ф (не указан). Оп. 11. Арх. № 88.

Письмо руководства ЦДУМ в Президиум ВЦИК. 30 ноября 1931 г. / URL: <https://www.islamperspectives.org/rpi/items/show/16806>.

Преодолевая религиозное влияние ислама (Из опыта Коммунистической партии Казахстана) 1917 – начало 1930-х гг.: Сб. документов / Под ред. Б. А.

Тулепбаева; сост.: И. Н. Буханова, Н. Р. Джагфаров, Г. Е. Тайжанова. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 256 с.

Протокол заседания II Общеказахского съезда. г. Оренбург, 5–13 декабря 1917 г. // Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары). IV-т.: Алашорда үкіметі және оның жергілікті басқару органдары: құжаттар мен материалдар жинағы / Құраст.: С. А. Қасымов, С. А. Жүсіп, Д. А. Махат, Ж. Ү. Қыдыралина, М. М. Қозыбаева, Қ. Қ. Сәрсембина; жалпы ред. басқарған Е. А. Әбіл. – Алматы: Нур, 2024. – 464 б. – 70-б.

Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары). III-т.: «Алаш» партия: құжаттар мен материалдар жинағы / Құраст.: С. А. Қасымов, С. А. Жүсіп, Д. А. Махат, Д. Д. Сүлейменова, М. М. Қозыбаева, Қ. Қ. Сәрсембина; жалпы ред. басқарған Е. А. Әбіл. — Алматы : Нур, 2024. — 352 б.

Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары). IV-т.: Алашорда үкіметі және оның жергілікті басқару органдары: құжаттар мен материалдар жинағы / Құраст.: С. А. Қасымов, С. А. Жүсіп, Д. А. Махат, Ж. Ү. Қыдыралина, М. М. Қозыбаева, Қ. Қ. Сәрсембина; жалпы ред. басқарған Е. А. Әбіл. - Алматы: Нур, 2024. - 464 б.

Список членов центрального и местного комитетов партии «Алаш» и активистов этой партии // АП РК. Ф. 811. Оп. 23. Д. 438. Л. 1–18.

Литература

Ақмағанбет Р. Алаш демократиясы. Өркениетті қоғам құру жолында. – Алматы: AmalBooks, 2022. – 296 б.

Балтабаева К. Н. «Арестовали, потому что я – ишан»: карательный курс на уничтожение влияния мусульманского духовенства в обществе // Казахи в Средней Азии: история и судьбы (1920–1950 гг.): Коллективная монография / З. Е. Кабульдинов, К. Н. Балтабаева, А. М. Джумашев, М. Ч. Калыбекова, Д. Б. Касымова, Т. А. Рыскулов. – Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова; ИП «Алма», 2022. – 472 с.

Балтабаева К. Мағди Мақулов: богослов и кази // Казахстанская правда. – 2025. – 31 мая.

Бегасилова Ж. А. Политические репрессии против религиозных организаций и священнослужителей в Казахстане в 20–30-е гг. XX века: дис. ... доктора философии (PhD): 6D020300 – История / Науч. консультанты: Б. О. Жангуттин, А. Венцель. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2021. – 164 с.

Галимжанова Л. Г. Четыре тетради / Сост. А. Караулова, А. Аканов; ред. А. Аканов, М. Акулов. – Алматы: RUAN, 2024. – 325 с.

Гусева Ю. Н. Мрачное эхо «Дела ЦДУМ»: «Цепь Корана» и репрессии против мусульманской элиты в СССР (1940 год) // Новый исторический вестник. – 2017. – № 2 (52). – С. 85–102.

Кенжетаев Д. Т. Қуғын-сүргін жылдарындағы ислам діні қызметкерлері: репрессияға қарсы күрес айла-шарғылары, стратегиялары мен тағдырлары // Политические репрессии в Казахстане в 20–50-е гг. XX века и проблемы реабилитации / Под общ. ред. Е. А. Абиля. — Алматы: Мадияр, 2023.

Койгелдиев М. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. — Алматы: Искандер, 2009. — 448 с.

Муканова Г. Публицист, просветитель, судья Галиулла Галимжанов (1883–1938) // СК. — 2021. — № 104 (25439). — 11 сентября.

Муканова Г. Репрессии и судьбы. 28 августа 2021 г. // Аналитикалық, қоғамдық-саяси ақпараттық портал POSTFACTUM.KZ: URL:<https://postfactum.kz/ru/eksklyuziv/102-repressii-i-sudby>

Мухтарова Г. Д. Ислам в советском Казахстане. — Актобе: [б. и.], 2007. — 280 с.

Рахимов С. «Виновной себя не признала»: Материалы следственного дела Мухлисы Бобинской // Эхо веков. — 2000. — № 1/2. — С. 217–223.

Редакционная заметка «Всекиргизский съезд» // Дело. — 1918. — 2 февраля.

Романенко В. С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века: Научно-исторический очерк. — Нижний Новгород: Махинур, 2005. — 144 с.

Шаповал Ю. В. Нормативно-правовые акты большевистско-сталинской власти, послужившие основанием для политических репрессий в отношении духовенства // Политические репрессии в Казахстане в 20–50-е гг. XX века и проблемы реабилитации / Под общ. ред. Е. А. Абиля. — Алматы: Мадияр, 2023.

Шаповал Ю., Липина Т., Бекболат А. Улемы в годы сталинско-большевистских репрессий в Казахстане: на примере судьбы Галиаскара Айтхожина // Вестник КазНУ. Серия религиоведение. — 2023. — Т. 34. — № 2. — С. 34–43. — DOI: 10.26577/EJRS. 2023.v34. i2. r4.

Юнусова А. Б.: Ислам в Башкортостане / Под ред. А. В. Малащенко. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. — 352 с.

Baltabaeva K. Klassenkampf gegen muslimische Geistliche: Sowjetische Islampolitik in Kasachstan 1920–1940 // Osteuropa. — 2025. — № 4. — P. 175–194. Doi: [10.35998/oe-2025-038](https://doi.org/10.35998/oe-2025-038)

Shoshana Keller. To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917–1941. — Westport, Connecticut: Praeger, 2001. — xix, 277 p.

Zhumatay S., Mukanov O.N., Mukanova G.K., Bimakanova Z.Sh. Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XX century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Koshygulov. // Bylye Gody. — 2024. 19(1): 395-406.

References:

Archival Sources

Alash qozghalysy: qujattar men materialdar jynaghy. 2-t.: Jeltoqsan 1917 – мамыр 1920 jzh. [Alash movement: collection of documents and materials. Vol. 2:

December 1917 – May 1920]. Almaty: Alash, 2005, pp. 20–31. Cited from: *Saryarqa*, 1918, No. 29. [in Kazakh].

Alash-Orda: Sb. dok. [Alash-Orda: Collection of documents]. Comp. by N. Martynenko; pref. by Uraz Isaev. Kzyl-Orda: Kazizdat, 1929, 169 p. [in Russian].

"Dokladnaya zapiska chlenov-kazyev Kazakskogo otdela Tsentral'nogo Dukhovnogo Upravleniya Musul'man, kazakov Magdiya Makulova i Khusaina Baygil'deeva Predsedatelyu Vserossiyskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta M. I. Kalininu. Ufa, 23 yanvarya 1928 g." ["Memorandum of the member-qadis of the Kazakh Department of the Central Spiritual Administration of Muslims, Kazakhs Magdi Makulov and Khusain Baygildeev to the Chairman of the All-Russian Central Executive Committee M. I. Kalinin. Ufa, January 23, 1928"]. Available at: islamperspectives.org (Accessed: July 19, 2026). [in Russian].

"Iz obzora deyatel'nosti musul'manskogo dukhoventstva v Kazakhstane" ["From the review of the activities of the Muslim clergy in Kazakhstan"]. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], Fond 141, Opis 1, Delo 1541, ll. 28–39. [in Russian].

Iz pis'ma Agitpropotdela Akmolinskogo gubkoma partii vsem raykomam i ukomam VKP (b) po usileniyu antiislamskoy propagandy" ["From the letter of the Agitprop Department of the Akmola Provincial Party Committee to all district and uyezd committees of the VKP (b) on strengthening anti-Islamic propaganda"]. Severo-Kazakhstanskiy gosudarstvennyy arkhiv (SKGA) [North Kazakhstan State Archive], Fond P–2, Opis 1, Delo 720, ll. 7–9. [in Russian].

Karin, E. T. (General Ed.). Materialy Gosudarstvennoy komissii po polnoy reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy (20–50 gody XX veka). T. 14: Antireligioznaya politika sovetskogo gosudarstva i repressii protiv dukhoventstva v Kazakhstane: Sbornik dokumentov i materialov [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repressions (20–50s of the XX century). Vol. 14: Anti-religious policy of the Soviet state and repressions against the clergy in Kazakhstan: Collection of documents and materials]. Comps.: D. T. Kenzhetaev, B. M. Satershinov, M. Tolegen, & Yu. V. Shapoval. Astana: Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology; Project Office of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repressions; Litera-M, 2022, 325 p. [in Russian].

Kasymov, S. A., Zhusip, S. A., Makhat, D. A., Suleimenova, D. D., Kozybaeva, M. M., & Sarsembina, K. K. (Comps.). (2024). Sayasi qugyn-surgin qurbandaryn tolyq aqtau jonindegi Memlekettik komissiyany materialdary (XX gassyrdyn 20–50 jyldary). T. III: “Alash” partiyasy: qujattar men materialdar jynagy [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Persecution (20s–50s of the 20th Century). Vol. III: “Alash” Party: Collection of Documents and Materials] (E. A. Abil, Gen. Ed.). Almaty: Nur. 352 p. [in Kazakh, in Russian].

Kasymov, S. A., Zhusip, S. A., Makhat, D. A., Kydyralina, Zh. U., Kozybaeva, M. M., & Sarsembina, K. K. (Comps.). (2024). Sayasi qugyn-surgin qurbandaryn tolyq aqtau jonindegi Memlekettik komissiyany materialdary (XX gassyrdyn 20–50 jyldary). T. IV: Alashorda ukimeti jane onyn jergilikti basqaru organdary: qujattar men

materialdar jynagy [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Persecution (20s–50s of the 20th Century). Vol. IV: Alash Orda Government and Its Local Governing Bodies: Collection of Documents and Materials] (E. A. Abil, Gen. Ed.). Almaty: Nur. 464 p. [in Kazakh, n Russian].

"Musul'manskoe dukhoventstvo" ["Muslim clergy"]. Spetsial'nyy gosudarstvennyy arkhiv Departamenta Komiteta natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan po gorodu Almaty (SGA DKNB RK po g. Almaty) [Special State Archive of the Department of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan for the city of Almaty], Fond [n. f.], Opis 11, Arkhivnyy No. 88. [in Russian].

"Pis'mo rukovodstva TsDUM v Prezidium VTsIK. 30 noyabrya 1931 g." ["Letter from the leadership of the CDUM to the Presidium of the VTsIK. November 30, 1931"]. [Archival Source]. [in Russian].

"Protokol zasedaniya II Obshchekazakhskogo s'ezda. g. Orenburg, 5–13 dekabrya 1917 g." ["Minutes of the meeting of the II All-Kazakh Congress. Orenburg, December 5–13, 1917"]. In E. A. Abil (General Ed.), Sayasi qughyn-surgin qurbandaryn tolyq aqtau jonindegi Memlekettyk komissiyany materialdary (XX ghasyrdyn 20–50 jyldary). IV-t.: Alashorda ukimety zhane onyn zhergilikty basqaru organdary: qujattar men materialdar jynaghy [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repressions (20–50s of the XX century). Vol. IV: Alashorda government and its local governing bodies: collection of documents and materials]. Comps.: S. A. Kasymov, S. A. Zhusip, D. A. Makhat, Zh. U. Kydyralina, M. M. Kozybaeva, & Q. Q. Sarsembina. Almaty: Nur, 2024, p. 70. [in Russian].

"Spisok chlenov tsentral'nogo i mestnogo komitetov partii 'Alash' i aktivistov etoy partii" ["List of members of the central and local committees of the 'Alash' party and activists of this party"]. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], Fond 811, Opis 23, Delo 438, ll. 1–18. [in Russian].

Tulepbaev, B. A. (Ed.). Preodolevaya religioznoe vliyanie islama (Iz opyta Kommunisticheskoy partii Kazakhstana) 1917 – nachalo 1930-kh gg.: Sb. dokumentov [Overcoming the religious influence of Islam (From the experience of the Communist Party of Kazakhstan) 1917 – early 1930s: Collection of documents]. Comps.: I. N. Bukhanova, N. R. Dzhagfarov, & G. E. Tayzhanova. Alma-Ata: Kazakhstan, 1990, 256 p. [in Russian].

Zhanbosinova, A. S. (Ed.). Vertikal' i gorizontal' Bol'shogo terrora v Kazakhstane v 1937–1938 gg.: sbornik dokumentov [Vertical and horizontal of the Great Terror in Kazakhstan in 1937–1938: collection of documents]. Astana: [n. p.], 2024, 886 p. [in Russian].

Published Literature

Aqmaghanbet, R. Alash demokratiyasy. Orkenietti qogham quru jolynda [Alash democracy. On the way to building a civilized society]. Almaty: AmalBooks, 2022, 296 p. [in Russian].

Arapov, D. Yu., & Kosach, G. G. (Comps.). *Islam i sovetskoe gosudarstvo: (Po materialam Vostochnogo otdela OGPU. 1926 g.)* [Islam and the Soviet state: (Based on materials from the Eastern Department of the OGPU. 1926)]. Ed. by A. Yu. Khabutdinov. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2010, Iss. 1, 145 p. [in Russian].

Baltabaeva, K. "Magdi Makulov: bogoslov i kazi" [Magdi Makulov: theologian and qadi]. *Kazakhstanskaya Pravda*, 2025, May 31. [in Russian].

Baltabaeva, K. N. "Arestovali, potomu chto ya – ishan": karatel'nyy kurs na unichtozhenie vliyaniya musul'manskogo dukhoyentstva v obshchestve ["They arrested me because I am an ishan": punitive course towards destroying the influence of the Muslim clergy in society]. In Z. E. Kabuldinov, K. N. Baltabaeva, A. M. Dzhumashev, M. Ch. Kalybekova, D. B. Kasymova, & T. A. Ryskulov, *Kazakhi v Sredney Azii: istoriya i sud'by (1920–1950 gg.): Kollektivnaya monografiya* [Kazakhs in Central Asia: history and destinies (1920–1950): Collective monograph] (472 p.). Almaty: Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology; IP "Alma", 2022. [in Russian].

Baltabaeva, K. (2025). *Klassenkampf gegen muslimische Geistliche: Sowjetische Islampolitik in Kasachstan 1920–1940* [Class struggle against Muslim clergy: Soviet Islamic policy in Kazakhstan 1920–1940]. *Osteuropa*, (4), 175–194. Doi: 10.35998/oe-2025-038 [in German].

Begasilova, Zh. A. *Politicheskie repressii protiv religioznykh organizatsiy i svyashchennosluzhiteley v Kazakhstane v 20–30-e gg. XX veka* [Political repressions against religious organizations and clergymen in Kazakhstan in the 20–30s of the XX century] (Doctoral dissertation, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, 2021), 164 p. Scientific advisors: B. O. Zhanguutin, A. Wenzel. [in Russian].

Galimzhanova, L. G. *Chetyre tetradi* [Four notebooks]. Comp. by A. Karaulova, & A. Akanov; ed. by A. Akanov, & M. Akulov. Almaty: RUAN, 2024, 325 p. [in Russian].

Guseva, Yu. N. "Mrachnoe ekho 'Dela TsDUM': 'Tsep' Korana' i repressii protiv musul'manskoy elity v SSSR (1940 god)" [The dark echo of the "CDUM Case": "The Chain of the Quran" and repressions against the Muslim elite in the USSR (1940)]. *Novyy Istoricheskiy Vestnik*, 2017, No. 2 (52), pp. 85–102. [in Russian].

Kenzhetayev, D. T. "Qughyn-surgin jylgaryndaghy islam dini qyzmetkerleri: repressiyagha qarsy kures ayla-sharghylary, strategiylary men taghdyrlary" [Islamic clergy during the years of repression: tactics, strategies, and fates in the struggle against repression]. In E. A. Abil (Ed.), *Politicheskie repressii v Kazakhstane v 20–50-e gg. XX veka i probleme reabilitatsii* [Political repressions in Kazakhstan in the 20–50s of the XX century and problems of rehabilitation]. Almaty: Madiyar, 2023. [in Kazakh].

Koygeldiev, M. *Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920–1940-kh godov* [Stalinism and repressions in Kazakhstan in the 1920–1940s]. Almaty: Iskander, 2009, 448 p. [in Russian].

Mukanova, G. "Publitsist, prosvetitel', sud'ya Galiulla Galimzhanov (1883–1938)" [Publicist, educator, judge Galiulla Galimzhanov (1883–1938)]. *SK [Severnnyy Kazakhstan]*, 2021, No. 104 (25439), September 11. [in Russian].

Mukanova, G. "Repressii i sud'by" [Repressions and destinies]. Analitikalyq, qoghamdyq-sayasi aqparattyq portal POSTFACTUM.KZ, 2021, August 28. Available at: postfactum.kz (Accessed: July 19, 2026). [in Russian].

Mukhtarova, G. D. Islam v sovetskom Kazakhstane [Islam in Soviet Kazakhstan]. Aktobe: [n. p.], 2007, 280 p. [in Russian].

Rakhimov, S. "Vinovnoy sebya ne priznala": Materialy sledstvennogo dela Mukhlisy Bobinskoy ["She did not plead guilty": Materials of the investigative file of Mukhlisa Bobinskaya]. *Ekho Vekov*, 2000, No. 1/2, pp. 217–223. [in Russian].

"Redaktsionnaya zametka 'Vsekirgizskiy s'ezd'" ["Editorial note 'All-Kirghiz Congress'"]. *Delo*, 1918, February 2. [in Russian].

Romanenko, V. S. Sotrudnichestvo sovetskoj diplomatii i musul'manskogo dukhovedstva SSSR v 20-e gody XX veka: Nauchno-istoricheskij ocherk [Cooperation between Soviet diplomacy and the Muslim clergy of the USSR in the 20s of the XX century: Scientific and historical essay]. Nizhny Novgorod: Makhinur, 2005, 144 p. [in Russian].

Shapoval, Yu. V. "Normativno-pravovye akty bol'shevistsko-stalinskoy vlasti, posluzhivshie osnovaniem dlya politicheskikh repressiy v otnoshenii dukhovedstva" [Regulatory and legal acts of the Bolshevik-Stalinist authorities that served as the basis for political repressions against the clergy]. In E. A. Abil (Ed.), *Politicheskie repressii v Kazakhstane v 20–50-e gg. XX veka i problemy reabilitatsii* [Political repressions in Kazakhstan in the 20–50s of the XX century and problems of rehabilitation]. Almaty: Madiyar, 2023. [in Russian].

Shoshana Keller (2001). *To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917–1941*. – Westport, Connecticut: Praeger. – xix, 277 p.

Zhumatay S., Mukanov O. N., Mukanova G. K., Bimakanova Z. Sh. Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XX century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Koshygulov. // *Bylye Gody*. — 2024. 19(1): 395–406.

Yunusova, A. B. Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ed. by A. V. Malashenko. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat, 1999, 352 p. [in Russian].